

ОН СОЗДАЛ ВСЕГО ТРИ ФИЛЬМА. НО КАКИХ!

**ВСТРЕЧА
ДЛЯ ВАС**

Любителям серьезного кинематографа хорошо знакомо имя ленинградского кинорежиссера Алексея Германа. Почти двадцать лет он работает в киноискусстве. За это время им создано всего три самостоятельных фильма, но зато каких!..

В 1976 году на экраны вышла вторая картина А. Германа — «Двадцать дней без войны», созданная по «Запискам Лопатина» Константина Симонова. В 1984-м — фильм «Мой друг Иван Лапшин», созданный режиссером по мотивам ранних повестей своего отца, писателя Юрия Германа. И, наконец, первая самостоятельная работа А. Германа — «Проверка на дорогах», проделавшая шестнадцатилетний путь к зрителю и не потерявшая при этом своей актуальности и художественной значимости.

Наш корреспондент Марина Альпер встретила с Алексеем Германом и взяла у него интервью специально для «Ленинской смены».

В самом начале этого года, 11 февраля, московский Центральный Дом работников искусства был заполнен до отказа. Поэтому многим желающим присутствовать на творческом вечере Алексея Германа пришлось постоять. Таким образом я столкнулась с фактом, еще раз доказавшим огромный ин-

БОЯТЬСЯ НЕПРАВДЫ

терес к искусству этого режиссера, особенности которого — глубина и концентрация мысли, обостренное чувство правды, доскональное знание социальных и бытовых примет времени, тонко и прочувствованно исследуемых режиссером.

О фильмах Алексея Германа написано множество статей, об-

стоятельно анализирующих многогранные особенности его мастерства. На мой взгляд, наиболее точно самую сокровенную суть дарования А. Германа почувствовал народный артист СССР Юрий Никулин, сказавший о режиссере, что он «человек, который панически боится неправды»..

На следующий день после вече-

ра в ЦДРИ, в десять часов вечера, мне удалось встретиться с Алексеем Георгиевичем в домашней обстановке у его московских друзей. Столь позднее время — не надуманная оригинальность, а объективная ситуация, поскольку рабочий день Германа действительно рассчитан по минутам и насыщен до предела. Однако раз-

говор в итоге получился содержательным. Многие, к сожалению, теряется, уходит без усталой, спокойной и доверительной интонации режиссера, его коротких жестов, несущих необходимый подтекст. Остается надеяться, что читатели дополнят сказанное А. Г. Германом своими личными впечатлениями от его фильмов.

Таким образом, первый вопрос...

— Алексей Георгиевич, как вы пришли в кино?

— Вообще режиссером я стал по настоянию отца, к тому же театральным. Но от подмостков по многим причинам вскоре пришлось отказаться. Первый свой самостоятельный фильм — «Седьмой спутник» я делал с Г. Ароновым. Сейчас эта кинолента забыта, можно сказать — заслуженно. Дело в том, что оба режиссера тянули каждый в свою сторону, не добившись творческого единогласия. Но в этой картине мы все же хотели правдиво рассказать о людях, нашедших в себе мужество не отшатнуться от в чем-то и трагического лика революции.

Затем была работа над фильмом по повести отца «Операция «Новый год», которому предстояло многие годы пролежать в неизвестности. Отец был замечательным писателем, но так и не реализовавший, по-моему, себя, свой талант до конца. Он очень хотел, чтобы я снял картину о Лапшине. Но к этой, на мой взгляд, лучшей повести я пришел позже.

Особо отмечу, что моя творческая деятельность во многом обязана и встрече с Константином Симоновым, который доверил мне свои «Записки Лопатина» как «честному и упрямому» режиссеру и вдохновил на «...Лапшина».

— В ваших картинах поразительно интересна достоверная, точная, органичная игра актеров. Как вы этого добиваетесь?

— С каждой новой работой мой подход к актерам менялся. Сейчас я, пожалуй, возвращаюсь в этом вопросе к «Проверке на дорогах», то есть к профессиональным исполнителям. Мне кажется, что в противном случае что-то теряется в неактерском исполнении. Типаж всегда интересней, чем актер, но он не сумеет сыграть перемену состояния в кадре. А если это ему все же удастся, то это уже артист, только нераскрывшийся.

Актер в идеале — это, на мой взгляд, тот, который может слиться с человеком из народа. Поэтому мне всегда интересно идти от типажа к актеру. Если последний приближается к первому, то он существует на экране. Так, исполнительская органика Юрия Никулина была для нас камерным картины «Двадцать дней без войны». Особой гордостью мы считаем монолог Алексея Петренко, занявший в том же фильме целую часть, то есть 310 метров полезного метража киноленты. Этот эпизод — яркий пример моего «идеального актера».

— Ваш последний фильм «Мой друг Иван Лапшин» вызвал особый интерес у молодежи и нарекания со стороны старшего поколения. Чем это вызвано, на ваш взгляд?

— Сначала ответу на первую часть вопроса. Интерес молодежи естествен, поскольку, как я уже не раз отмечал, что эта картина — объяснение в любви поколению наших родителей, своеобразная советская чеховская история. В ее основу положено настоящее желание рассказать правду о прошлом, о тридцатых годах, взглянув с наших сегодняшних позиций, вооруженных более поздним знанием о людях тех лет.

А по драматургии фильма герои «...Лапшина» еще ничего не знают о предстоящих испытаниях, о неотвратимо надвигающейся войне. Возьмем, к примеру, Ханина — журналиста и писателя. Но и он, видимо, не чувствует грядущую катастрофу. Он даже не верит в самоубийство Маяковского — «Нет, этого не могло быть, так как это выше его понимания, и все, точка». Тоньше всех оказался Иван Лапшин. Он тоже убежден в счастливом завтра, тоже презирает товарища, женатого на поповской дочке, подчиняясь логике времени, но ему не дают спать слезы — это предчувствие.

Одна пожилая женщина уверяла меня, что картина «Волга-Волга» — эталон тридцатых. Меня просто поражает эта позиция, такой взгляд на продукт тех времен, тем более, что правда прошлого нам в силу накопившегося опыта сегодня кажется недостаточной. Но старости, наверное, всегда свойственно идеализировать свою молодость...

— Ваши предыдущие фильмы — черно-белые. В «...Лапшине» этот тон приобретает различные цветовые оттенки. Чем это вызвано?

— Я уже как-то говорил, что для меня война не имеет красок. Поэтому, кстати, поражает работа оператора А. Родионова в картине Э. Климова «Иди и смотри», снявшего партизанский лес.

Французская газета «Монд» назвала меня мастером черно-белого кино. Это определение неверно. Черно-белое изображение для меня не жесткий принцип, а условия выбранного материала. Неслучайно в «...Лапшине» меняется цветовая гамма, но, честно говоря, даже сейчас я не смогу объяснить эту смену. Во многом мы с оператором В. Федосовым шли чисто интуитивно. Знаю, чувствую, что здесь снимать надо именно так и никак иначе, а почему?..

— Известно, что вы работаете над сценарием для «Казахфильма» — «Гибель Отрара». Что было для вас главным в подходе к столь интересной исторической теме?

— Несколько лет назад меня и мою жену, кинодраматурга Светлану Кармалиту, очень заинтересовала эта легендарная страница из летописи казахского народа — героическая оборона Отрара. За-

хотелось поднять из недр прошлого во всей исторической достоверности трагические события тех жестоких дней. Но по мере знакомства с этой темой, осмысления документального материала временные границы нашего творческого интереса раздвинулись. Оказалось, что нападение на Отрар не было совершенно неожиданным, как принято обычно считать. Послы Хорезма не раз бывали в монгольском стане и, конечно, получали достоверные сведения о складывающейся политической обстановке. Другой вопрос, что правители принимали лишь приятные для их слуха факты.

Теперь в центре нашего внимания именно это предоборонное время, канун, тревожное ожидание катастрофы. Главный герой сценария не закрывает глаза на происходящие настораживающие события. Он и Кадыр-хан пытаются предупредить соотечественников, противостоять надвигающейся драме. Уверен, что такие люди были и, если бы их усилия увенчались успехом, Отрар смог бы устоять.

Кроме того, мне очень интересна личность Чингис-хана. Монгольское войско — это не только страшная, дикая сила, но и искусный противник. Об этом тоже хочется рассказать.

В итоге получается сценарий двухсерийного фильма. Слово о том, кто будет осуществлять постановку, наверное, останется за казахстанскими кинематографистами. Могу только отметить, что работали мы над этой темой с неподдельным интересом и уважением к казахской культуре, истории, традициям.

Финал будущей картины предполагается символичным. Два современных казаха стоят над раскопками Отрара. Один из них наклоняется за горстью земли и сжимает в руках колючку, напоминающую меч, по которой стекает живая капля крови...

— А что вы можете сказать в целом о киноискусстве Казахстана?

— Мне кажется, что у «Казахфильма» может быть интересное будущее. Успокоенный человек не в силах создать произведение глубокого, неординарного. А так как казахстанские кинематографисты сейчас находятся в состоянии неудовлетворенности и постоянного поиска, то эта творческая атмосфера должна принести положительные результаты. Из последних работ мне, например, понравилась работа С. Бодрова и А. Альпиева «Сладкий сок внутри травы».

— Алексей Георгиевич, вы любите быть кинорежиссером?

— Нет, и бываю им довольно редко. Я считаю, что кинематограф черпает свои истоки в литературе. Поэтому предпочитаю чтение прозы и поэзии, изучение работ своих коллег.

— И все же если вы переступаете порог кинозала, то фильмы каких современных режиссеров вам интересны?

— Не скрою, что многому учусь у Кирры Муратовой. Часто пересматриваю картину П. Богдановича «Последний киносеанс». Интересными мне кажутся и последние работы ленинградских режиссеров — А. Сакурова, К. Лопушанского. Очень нравятся «Подранки» Н. Губенко, но это не ответный комплимент после «Кинопанорамы».

— Таким образом, у вас позади почти двадцать лет работы в кино. Как вы оцениваете для себя это время в творческом отношении?

— Мы работали... Долгие годы только жена Света и немногие зрители считали мои фильмы хорошими. Теперь число зрителей заметно выросло, и это, конечно, радует. За двадцать лет многое передумывается, приходит что-то новое, от чего-то отказываешься.

Возможно, сейчас «Проверку на дорогах» я снял бы по-другому, но каждый этап по-своему дорог и необходим. Главное, — интересно изображать жизнь средствами кино, оторвавшись от ее слишком традиционного восприятия...

Москва.